

**РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
(«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ)
В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС**

А. А. Меркулов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 апреля 2008 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме результативного политического конфликта в обществе потребления. Результативность понимается как сохранение тотальности знаков изобилия через прогрессирующую дифференциацию между господствующими элитами и подчиняющимися массами. Методологическим основанием исследования избрана совокупность различных факторов и динамических фаз политического конфликта в таком специфическом контексте, как общество потребления.

Ключевые слова: результативный политический конфликт, общество потребления, геополитическая агрессия нового мирового порядка, политизация массмедиа, коррумпированность гибридных режимов.

Abstract: article is dedicated to the problem of successful political conflict in the society of consumption. Result is understood as the retention of the totality of the signs of abundance through the progressive differentiation between ruling elites and subordinated masses. By the methodological base of a study is selected the totality of different factors and dynamic phases of political conflict in this specific context as the society of consumption.

Key words: successful political conflict, the society of consumption, the geopolitical aggression of new world order, politizatsiya of massmedia, the corruption of the hybrid regimes.

Поутихли научные и обыденные дискуссии относительно признания конфликтной природы политики в различных государствах и обществах. Очень редко можно услышать осуждение столкновений между элитами и массами при циркуляции первых. Политическая сущность подобных процессов стала более смело относиться к причинам сохранения таких идеологических монстров, как свобода и независимость. Мало кто сомневается в том, что неравенство среди людей неизбежно, но стоит его открыто признать, и возникает угроза нестерпимой тирании, так как в каждом государстве и обществе имеются два различных способа жизни — элитарный и массовый. Многие перестали обращать внимание на ропот и крики, слезы и кровь, порождавшиеся такими столкновениями, а концентрируются на определяющих их факторах и динамических фазах.

Всякий политический конфликт определяется контекстом, в котором проявляется его сущность через соответствующие факторы и фазы. Такой средой является тип общества. Нынешние политические конфликты, существующие внутри и между господствующими и оппозиционными элитами, ангажированными массами, погружены в очевидность потребления и изобилия,

основанного на умножении всевозможных материальных благ. Люди, находящиеся в этом изобилии потребления, окружены не другими людьми, а объектами потребления. По мнению французского философа Ж. Бодрийера, «это не означает, что наше общество не было когда-то, говоря объективно и с полной определенностью, обществом производства, системой производства и, в результате, сферой экономической и политической стратегии. Но теперь в него включается система потребления, каковая является системой манипуляции знаками» [1, с. 14].

Потребление политической реальности происходит у масс либо путем предвосхищения, либо ретроспективно, во всяком случае, на дистанции, которая является дистанцией знака, продуцируемого массмедиа, контролируемого элитами. Для общества потребления характерна подача фактов в форме утратившего актуальность «универсального происшествия», легко усвояемого массами, падкими до трагикомического зрелища постфактум.

Как замечает Ж. Бодрийер, «мы живем, таким образом, под покровом знаков и в отказе от действительности. Чудесная безопасность: когда мы смотрим на образы мира, кто отличит это краткое вторжение действительности от глубокого удовольствия не быть в ней. Образ, знак, послание, все то, что мы «потребляем», — это

наше душевное спокойствие, подкрепленное дистанцией от мира, которое даже сильный намек на действительность скорее убивает, чем нарушает» [1, с. 15]. Таково функциональное выражение структуры нового мирового порядка в обществе потребления. Повседневные практики свидетельствуют о том, что транснациональные промышленные и финансовые корпорации начали структурирование мирового территориального пространства. Отчетливее становится равноправный диалог экономических клик и политическое истеблишмент на фоне шоу творческой интеллигенции. Напрямую структурируются и соединяются территории и население. Отмечается стремление к тому, чтобы превратить государство в инструмент учета приводимых в движение материальных потоков в обществе. Это сложный аппарат, определяющий направление всяческих инвестиций, формирующий геополитическую агрессию нового мирового порядка. Она определяется не только наличием множества военных баз империи, разбросанных по всей планете, но и стандартизацией субкультуры потребления.

По наблюдению Ж. Бодрийера, «любопытство и незнание обозначают одно и то же совокупное поведение перед лицом действительности, поведение, распространенное и систематизированное практикой массовых коммуникаций и характеризующее, таким образом, наше «общество потребления»: это отказ от действительности на основе жадного и умножающегося изучения ее знаков» [1, с. 16]. В этом проявляется инструментальная и технологическая политизация массмедиа в обществе потребления. Если о том, что политические конфликты имели место, не было бы никакой информации, то их не было бы вовсе для отдельных психических систем, тем более для обыденного сознания, а значит, отсутствовал бы и результат.

Как считает Ж. Бодрийер, «повседневность представляет, таким образом, любопытную смесь эйфории от комфорта и пассивности и «мрачного наслаждения» от сознания возможности жертв, приносимых судьбе. Все это составляет специфическую ментальность или, скорее, «сентиментальность»... Общество потребления характеризуется не только быстрым ростом индивидуальных расходов, осуществляемых третьей стороной (особенно администрацией) в пользу отдельных лиц и имеющих целью уменьшить неравенство в распределении доходов» [1, с. 58]. Общество потребления хочет быть богатым и находится под постоянной угрозой бедности и в борьбе с ней, в этом его идеология. Здесь угадывается свойство коррумпированности гибридных режимов, сочетающих авторитарные и демократические идеи в виде их смешения с социальной дифференциацией. При этом неравенство элит и масс остается очень большим. Под коррупцией здесь следует понимать социальное явление, которое имеет ярко выраженный политический фон. Исторический опыт свидетельствует, что с помощью коррупции приобретались отношения власти. Вместе с тем коррупция нередко становится причиной завершения политической карьеры, приводит к падению политических режимов, кризису обществ и распаду государств. Коррупционированность гибридных режимов — это бедность. В последнее время коррупция является не только характерной особенностью политики во многих государствах и обществах. Возможно, дискурс коррупции становится одной из главных политических проблем, маскируемых обществом потребления.

Всякий политический продукт производится сейчас не для того, чтобы получить потребительскую стоимость, но с целью его скорейшей амортизации и замены на «новую модель», ускорение которой равно инфляции. Динамические процессы роста в целом являются результатом компромисса между эгалитарными демократическими принципами, которые могут подкрепляться мифами изобилия и благосостояния, и элитарным авторитарным императивом сохранения системы привилегий и господства.

«Общество потребления — это также общество обучения потреблению, социальной дрессировки в потреблении, то есть новый и специфический способ социализации, появившийся в связи с возникновением новых производительных сил и монополистическим переустройством экономической системы с высокой производительностью» [1, с. 111]. Такова фазисная динамика любого явления, присущего обществу потребления.

Общество потребления является политическим мифом, т.е. лозунгом современного социального устройства, оглашаемым им в отношении самого себя. Это один из немногих способов, каким современное социальное устройство может заявить о себе. В некотором роде, — это единственная действительность потребления, набор провозглашенных элитами идей о потреблении, бесконечно воспроизводимый повседневным и интеллектуальным дискурсом для масс. Поэтому общество потребления приобретает значимость творческого разума, политического различия и экономического результата для господствующих элит за счет подчиняющихся масс. Именно в таком контексте зарождаются, развиваются и гибнут политические конфликты, ре-

зультативность которых можно зафиксировать через набор определенных функций.

Как считает немецкий социолог Л. Козер, «конфликт, так же, как и сотрудничество, обладает социальными функциями. Определенный уровень конфликта отнюдь не обязательно дисфункционален, но является существенной составляющей как процесса становления группы, так и ее устойчивого существования» [2, с. 51]. Что может быть проще, чем ортодоксальное истолкование конфликта через категорию зла. Облечение его в мистические формы негатива представляется теоретической крайностью, игнорирующей то, что конфликты являются неотъемлемым атрибутом человеческого бытия. Принимая тезис некоторых политических философов о том, что люди склонны творить скорее зло, нежели добро, следует помнить, что у одних осознание действительности разительно отличается от подобных процессов у других.

Как установлено Л. Козером, конфликт осуществляет группосозидающую функцию, находящую свое выражение в установлении и поддержании тождественности и границ государств, и обществ; в упрочении и подтверждении идентичности группы и сохранении ее границ в отношении окружающего социума. «Характерные структуры враждебности и взаимные антагонизмы помогают сохранить социальные разделения и системы стратификации. Такие устойчивые структуры антагонизмов предотвращают постепенное размывание границ между группами в социальной системе и закрепляют определенное положение различных подсистем внутри системы в целом» [2, с. 58]. Политический конфликт, зачатый в условиях социальной дифференциации, в своем развитии заставляет массы искать своих официальных представителей, которые страдают мобилизации посредством номинации. Как только формируется элита, начинается установление границ через известные идентификационные механизмы «друг — враг» и «свой — чужой», при этом государство и общество насквозь проникаются идеологическим духом конкуренции. В таких условиях и речи быть не может о статичности социальных отношений, потребительская культура переживает свой бум. Если массы превращаются в потребителей политических продуктов, то элиты, сформированные легально или легитимно, выходят на политическую сцену, переживая мгновения творческого взлета. Образно выражаясь, легкие государства и общества втягивают свежий политический воздух.

Завершение функционального образования элиты детерминирует внутригрупповое состоя-

ние, которое, при определенных условиях, является самым ожесточенным. Здесь Л. Козер выдвигает тезис, согласно которому «отсутствие конфликтов нельзя рассматривать как показатель прочности и стабильности отношений. Для стабильных отношений может быть характерным именно конфликтное поведение. Близость отношений создает почву для частых конфликтных ситуаций, но если стороны чувствуют напряженность своих отношений, они будут избегать конфликтов, опасаясь полного разрыва. Поскольку близкие отношения характеризуются скорее частыми конфликтами, чем накоплением враждебности и амбивалентности, частоту конфликтов (если, конечно, они не затрагивают базового консенсуса) можно считать показателем стабильности этих отношений» [2, с. 109]. Действительно, конфликтное отношение внутри элиты, при перераспределении статусов и ролей, которое является перманентным, вполне обычно. Именно внутренние распри позволяют начертать истинные притязания субъектов политики, на основании чего можно сформировать оптимальные условия для их карьерного позиционирования на политическом рынке. Только покушение на высшие статусы и роли, угрожающее базовому консенсусу, на основе которого существует элита, может предвосхитить кризис, разрушающий целостность гибридного режима.

По мнению Л. Козера, «во вторичных отношениях, где изначально в силу сегментарной вовлеченности участников можно ожидать относительно меньшей напряженности конфликтов, наличие конфликта может рассматриваться как показатель действия балансирующего механизма» [2, с. 109—110]. Выяснение отношений между субъектами политики влечет за собой осознание необходимости противоборства с некими конкурентами, претендующими на те блага, которые уже освоены. В целях постоянного поддержания духа противоречия своих сторонников элитой ведется поиск внешней угрозы, при этом происходит избавление от неудобных путем их облечения в образ «козлов отпущения», побиваемых всеми, кто хочет остаться в рядах господствующей элиты. «Жестко организованные боющиеся группы могут заниматься поиском врагов с обдуманым намерением или ради инстинктивного стремления сохранить единство и внутреннюю сплоченность. Такие группы могут ощущать внешнюю угрозу, хотя в реальности ее не существует. При условиях, которые еще должны быть изучены, вымышленная угроза выполняет те же самые интегративные функции, что и реальная угроза» [2, с. 136].

Для того чтобы элита не утратила своей функциональности, ей нужна постоянная напряженность, способная переходить в активность. В противном случае могут быть упущены рычаги перераспределения материальных и духовных благ, необходимые для решения насущных проблем, ведущие к достижению политических целей. Те, кто занимает руководящие статусы и исполняет ведущие роли, оказываясь перед угрозой потери лояльности, вынуждены оправдывать свое положение. То же можно сказать о внешней ориентации конкретного субъекта политики. «Обретение внешнего врага или его изобретение усиливает социальную сплоченность, угроза которой исходит изнутри группы. Сходным образом, поиск или изобретение внутреннего диссидента служит сохранению структуры, испытывающей угрозу извне. Такие механизмы создания «козлов отпущения» действуют в особенности в тех группах, структура которых препятствует проявлению внутреннего реалистического конфликта» [2, с. 136—137].

В зависимости от ситуации и личных характеристик участников политического процесса можно говорить о вариативности выбора угрозы, который определяется границами сущего или должного. «Существуют подвижные границы между преувеличением реальной угрозы, привлечением реального врага и полным измышлением угрожающей силы» [2, с. 137]. Важно, что именно эта функция политического конфликта заряжает энергией весь гибридный режим. От того, каким образом, реальным или фантастическим, выявляются угрозы, зависит и адекватность подбора средств и методов их преодоления. Это напрямую детерминирует сущность гибридного режима в его направленности на изменение или сохранение уровня материального и духовного состояния масс, которые, в своем большинстве, могут и не выражать собственные политические интересы, но все равно будут подвержены легальному воздействию. Здесь речь заходит о явлении «общенационального консенсуса», которое постоянно должно учитываться теми, кто определяет образ «врага». Ибо в случае преувеличения опасности, исходящей от реального «врага», государство и общество могут «перегреться», а в случае постоянного выдумывания «врага» — впасть в кризис идентичности, так как полностью утратится способность критически оценивать окружающий мир.

Естественна и функция политического конфликта, определяемая как взаимосвязь между различными субъектами политики. Известно, что история становления современной политики прошла этап кровопролитных войн и физичес-

ких устранений конкурентов. Нынешняя политика, строящаяся на основе необходимости создания условий для примирения несовместимых социальных интересов, дистанцируется от прямого устранения соперников, имеет институциональный характер. Это позволяет измерять собственные и чужие силы через цивилизованное взаимодействие, а не через иррациональную агрессивность. «Конфликт заключается в испытании сил противоборствующих сторон. Урегулирование между ними возможно только в том случае, если каждая из них осознает относительную силу обеих сторон. Однако, как это ни парадоксально, подобное знание достижимо, как правило, только через конфликт, поскольку не существует других механизмов оценки их сил. Следовательно, борьба может быть важным способом избежать нарушений равновесия благодаря изменению основ силовых отношений» [2, с. 166]. Политический конфликт конструирует связи между соперниками следующими способами: «он создает и изменяет общие нормы, необходимые для перестройки отношений; он приводит к тому, что каждая сторона конфликта в случае примерного равенства сил предпочитает, чтобы противник был сходен с ней по структурной организации, что уравнивало бы их в отношении техники конфликта; он дает возможность переоценить соотношение сил соперников и тем самым служит в качестве уравнивающего механизма, позволяющего сохранять и укреплять общество» [там же].

Интегративное проявление свойств политического конфликта, кроме того, что находит свое выражение во взаимосвязи различных субъектов политики между собой, заключается в поиске и выборе союзников. Столкновения могут объединить разобщенных субъектов политики. В результате конфликта, где затрагиваются прагматические интересы его участников, возникают коалиции и временные ассоциации, а не постоянные и сплоченные группы. «Подобные альянсы появляются скорее в гибких структурах, чем в жестких, поскольку в жестких обществах конфликты подавляются, а если вырываются наружу, то принимают более интенсивный и, следовательно, более идеологизированный характер. Коалиции и ассоциации придают структуру индивидуалистическому обществу и предохраняют его от атомистической дезинтеграции» [2, с. 178]. Такая функция проявляется особенно ярко там, где на смену антагонизму, через политический конфликт, приходит консенсус по базовым ценностям. В случае возникновения рецидивов внешней угрозы, через осознание необходимости обороняться, между субъектами политики возни-

кает минимальный уровень интеграции. Когда речь идет об инстинктивном самосохранении, бывшие оппоненты готовы жертвовать личными амбициями, делясь объемом полученных полномочий, для продолжения карьеры. «Чем больше объединяющиеся элементы разнятся по своей культуре, тем меньше у них общих интересов. Именно потому, что объединение не основывается на изначальной общности интересов, его форма и смысл будут ограничиваться соответственно коалицией и конкретной злободневной целью» [2, с. 178].

Итак, результативные политические конфликты являются чем-то гораздо большим, чем социально необходимое зло. Если политическое существование масс характеризуется исторической неопределенностью, а конфликт знаменует мечту о достойном и рациональном освоении жизненных благ, тогда результативные политические конфликты предстают уже не как стихийные бедствия, которые завершаются взаимным снятием, но они сами формируют исторические смыслы. Общество потребления остается гуманным контекстом в той мере, в какой оно объединяет в себе несовместимое и поддерживает противоречивый характер действительности.

*Воронежский государственный университет
Меркулов А. А., аспирант кафедры социологии
и политологии
merkulik@gmail.com
Тел.: (4732) 28-62-14*

Главное — результативность политического конфликта в обществе потребления нацелена на сохранение тотальности знаков изобилия через прогрессирующую дифференциацию между господствующими элитами и подчиняющимися массами. Несмотря на кажущееся многообразие форм своего существования, результативный политический конфликт представляется как нечто идеальное, существующее лишь в своем образе, лишенное субъективного выражения. Более того, ожесточенная борьба политических образов может нанести колоссальный удар по перспективе возведения утопического порядка мира изобилия, проект которого несут имперские легионы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. — М. : Культурная революция ; Республика, 2006. — 269 с. — (Мыслители XX века).
2. *Козер Л.* Функции социального конфликта / Л. Козер ; пер. с англ. О. А. Назаровой. — М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. — 208 с.

*Voronezh State University
Merkulov A. A., Post-graduate Student, Department
of Sociology and Political Science
merkulik@gmail.com
Tel.: (4732) 28-62-14*